

Н. Ф. Сумцов

**Местные названия в
украинской народной
словесности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Ф. Сумцов**
Местные названия в украинской народной словесности / Н. Ф. Сумцов – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 246 с.

ISBN 978-5-458-02138-8

ISBN 978-5-458-02138-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

городской и въ Руси суздальской, говорить не въ пользу Москвы. Мнѣніе о древнемъ происхожденіи и развитіи русскаго эпоса остается непоколебленнымъ, и, между прочимъ, мнѣніе это подтверждается древнимъ характеромъ былевой географической номенклатуры, неопредѣленной, неточной, расплывчивой, большею частью фантастической. Нѣтъ сомнѣнія, что простой русскій народъ имѣетъ много точныхъ и обстоятельныхъ географическихъ свѣдѣній. Мало-ли куда ни забирался русскій солдатъ, русскій мастеровой, русскій странникъ-богомалець. Однако, точныя его свѣдѣнія не попали въ глубоко древнюю былинку и вообще не выразились въ его словесно-поэтическомъ творчествѣ, за исключеніемъ только свѣдѣній о славныхъ во всемъ христіанскомъ мірѣ Іерусалимѣ и Царградѣ. Въ былинахъ находятся или мало понятныя географическія названія, требующія объясненія, или даже вполне фантастическія. Къ числу первыхъ относятся Литва и Литавъ хоробрая, некрещеная, поганая, царство Литвинское, королевство Политовское, Ляховинское, Ляховецкое, Карела поганая или богатая, Чудь бѣлоглазая, земля Веденецкая съ городомъ Леденцомъ, царство Сарацинское или Сорочинское, гдѣ живетъ Сорочина долгополая; орды невѣрныя, немирныя, дальнія, темныя, великія,—Большая, Золотая, населенная татарами, улановыми, Индія богатая, Агаряне. Все это названія извѣстныхъ странъ и народовъ, очевидно, подвергшіяся сильному обобщенію и распитыя фантастическими узорами. Далѣе идутъ совершенно темныя географическія названія: земля Гленская (англійская?), улусы загорскія, Могозея, земля и орда Заоданская, царство Альберское¹⁾. На ряду съ дѣйствительными рѣками Дунаемъ, Дономъ, Днѣпромъ, Волгой, Камой идутъ фантастическія рѣки Израй, Сафатъ, Пучай, Смородина, Нѣпра, а въ числѣ горъ Сорочинскія, Сіонскія, Палачъ гора, Скатъ гора. Вообще, всѣ географическія названія, даже такія реальныя, какъ Брянскіе лѣса, Кіевъ, Днѣпръ, облечены таинственностью, туманомъ, вполне или отчасти потеряли реальное свое значеніе и стали обозначать вообще темный, дремучій лѣсъ, отдаленный священный или богатый городъ, далекую и глубокую рѣку. Съ литературной точки зрѣнія эта географическая таинственность имѣетъ свою цѣн-

¹⁾ Л. Майковъ, О былинахъ, стр. 43—14.

ность: она содѣйствуетъ поэтическому полету фантазіи и даетъ извѣстный разгонъ для мысли.

Можно сказать, съ каждымъ десятилѣтіемъ укрѣпляется убѣжденіе въ существованіи древняго, южно-русскаго до-козацкаго эпоса. П. А. Кулишъ въ пятидесятыхъ годахъ, И. В. Ягичъ въ семидесятыхъ годахъ, высказывали мнѣніе, что богатое развитіе южно-русскаго эпоса въ XVII ст. предполагаетъ существованіе эпоса наклонности къ эпическому творчеству въ болѣе старое время. М. Е. Халанскій замѣчаетъ, что древній южно-русскій эпосъ органически прижмулъ къ новѣйшему, козацкому. Какъ извѣстно, древній южно-русскій эпосъ теперь до нѣкоторой степени восстанавливается путемъ научнаго анализа малорусскихъ пѣсней, преимущественно колядокъ. Наиболѣе крупными научными работами въ этомъ направленіи представляются «Истор. пѣсни малор. народа» В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова и статьи Н. И. Костомарова о малорусской исторической поэзіи въ Вѣстникѣ Европы и въ Русской Мысли. При всемъ томъ, удалось болѣе возбудить вопросовъ и сомнѣній, чѣмъ установить несомнѣнно вѣрные факты до-козацкаго эпоса; относимое къ древнему южно-русскому эпосу крайне незначительно въ количественномъ отношеніи и въ значительной части еще подлежитъ критической провѣркѣ. Какъ-бы то ни было, древній южно-русскій эпосъ ускользаетъ отъ изученія относительно географической терминологіи. Какія географическія свѣдѣнія выразились въ до-козацкомъ эпосѣ и что наслѣдовали въ этомъ отношеніи отъ древняго эпоса малорусскія думы и пѣсни козацкаго періода южнорусской исторіи,—на эти вопросы трудно отвѣтить. Съ значительной долей вѣроятія можно только утверждать, что Дунай, въ значеніи воды и рѣки вообще и въ частности въ значеніи извѣстной рѣки черноморскаго бассейна, и затѣмъ, быть можетъ, Черное море и Днѣпръ входили въ древнѣйшія малорусскія пѣсни и впоследствии вошли въ малорусскія думы и пѣсни XVII ст. и болѣе поздняго времени.

Строго говоря, малорусская народная поэзія начинается съ XVI ст. и замираетъ въ XVIII ст. Первое упоминаніе о малорусскихъ думахъ находится у польскаго историка Сарницкаго начала XVI ст. Древнѣйшей записанной малорусской пѣсней представляется пѣсня въ чешской граматикѣ Благодслава конца XVI ст.

Чрезвычайной силы и выразительности малорусская поэзія достигаетъ въ XVII ст., и затѣмъ слѣдуетъ ослабленіе. крупное уже въ XVIII ст., что видно на историческихъ пѣсняхъ о Палиѣ, о службѣ козацкой на такъ называемыхъ «канавахъ» и на «линіи», и для всѣхъ очевидное въ XIX ст. Вообще, малорусская народная поэзія, въ особенности думы, возникла и развилась на виду положительной исторіи, и одной изъ наиболѣе характерныхъ ея особенностей представляется историческая точность и правдивость въ описаніи лицъ и событій, также относительно хронологическихъ и географическихъ данныхъ.

Не будетъ ошибкой къ малорусскимъ пѣснямъ приложить тотъ же широкій способъ раздѣленія на пѣсни мужескія и пѣсни женскія, какой авторитетными людьми науки, Я. Гримомъ и Миклошичемъ, приложенъ къ сербской поэзіи. Я. Гримъ усматривалъ даже въ сказкахъ различіе, обусловленное тѣмъ, сложена ли сказка мужчиной или женщиной¹⁾. Въ такомъ случаѣ въ разрядъ мужескихъ пѣсень войдутъ всѣ пѣсни историческія, колядки, многія любовныя и семейно-родственныя пѣсни, въ отдѣлъ пѣсень женскихъ значительное большинство любовныхъ пѣсень, веснянки, свадебныя пѣсни, всѣ колыбельныя пѣсни. Въ Галицкой Руси въ сочиненіи коломыекъ, шумокъ, чабарашекъ, талалаекъ оба пола принимали одинаково дѣятельное участіе. Мѣстныя собственныя имена встрѣчаются почти исключительно въ мужескихъ пѣсняхъ, преимущественно въ думахъ. Въ женскихъ пѣсняхъ изрѣдка встрѣчается Украина, обыкновенно разсматриваемая къ отношенію къ милому: милый уѣхалъ на Украину; милый изъ Украины шлетъ письма; милый тоскуетъ въ Украинѣ далекой и т. д. Очевидно, ядѣсь обнаружилась разница въ объемѣ географическихъ свѣдѣній мужчины и женщины въ старинное время. Въ положеніи ковака, чумака, купца, странника-богомольца мужчина предпринималъ болѣе или менѣе далекія путешествія и болѣе женщины знакомился съ чужими странами и съ своей родиной.

Относительно мѣстныхъ названій въ особенности заслуживаютъ вниманія колядки и историческія пѣсни. Здѣсь иногда встрѣчаются отзывы и характеристики странъ. Въ семейно-родствен-

¹⁾ Miklosich, Die serbische Epik, 5.

ныхъ пѣсняхъ встрѣчается почти исключительно Дунай. Въ галицко-русскихъ пѣсняхъ болѣе мѣстныхъ названій, чѣмъ въ пѣсняхъ малорусскихъ, что соответствуетъ общей краевой или мѣстной окраскѣ галицко-русскихъ пѣсень. Много мѣстныхъ названій находимъ въ галицкихъ коломыйкахъ. Напримѣръ:

Ой пиду я до Вербиза, або до Мышина ¹⁾.
 По надъ село Ивановецьке зацвѣли цвѣточки ²⁾.
 Ой на горѣ на Самборѣ камень муку меле ³⁾

Иногда къ мѣстному названію присоединяется краткая характеристика самой мѣстности:

Ой пиду я до Ланчина, Ланчинъ на долині,
 А Ланчиньска челядочка якъ листъ на калині ⁴⁾.
 На Рангурахъ нема лѣса, лише саме дубе ⁵⁾.

Нужно замѣтить, что мѣстныя названія довольно часто попадаютъ въ искусственныхъ галицко-русскихъ пѣсняхъ, принятыхъ мѣстами народомъ. Подобнаго рода пѣсень находится довольно много въ сборникѣ г. Головацкаго. Не трудно замѣтить искусственную краевую или мѣстную окраску въ галицко-русскихъ пѣсняхъ, возникшихъ въ интеллигенціи и проникшихъ въ массу простаго народа, окраску, выражающуюся въ преувеличеніи значенія края, въ большой долѣ краеваго патриотизма; напримѣръ:

Всюды чудни красавицы,
 Пышни, якъ калина;
 Але надъ всѣхъ найчуднѣйше
 Робить Буковина.....
 Пріятеля знайдешъ всюды;
 Серце не загине;
 Але пріязнѣйши люде,
 Люде въ Буковинѣ ⁶⁾.

Если интеллигентный человѣкъ даетъ тенденціозную окраску извѣстной мѣстности въ идеальномъ стремленіи прославить ее или очернить, то простой народъ предлагаетъ въ пѣсняхъ прямо выду-

¹⁾ Сборн. Головацкаго, т. II, стр. 249. ²⁾ Тамъ же, стр. 259. ³⁾ Тамъ же, стр. 265. ⁴⁾ Тамъ же, стр. 266. ⁵⁾ Тамъ же, стр. 334. ⁶⁾ Тамъ же, стр. 371.

манья мѣстныхъ названія, только по требованіямъ исключительно формальнаго свойства, для соблюденія аллитераціи или рифмы;— такъ велико въ народномъ бытѣ формальное, виѣшнее значеніе поэзіи. Въ одной пѣснѣ для соблюденія аллитераціи вставлено вымышленное собственное имя Яришъ; въ думѣ про козака Голоту находимъ: «ой, долино—Ялино! скільки я на тоби гулявъ» (Ант. и Драг., 1, 171); въ бурлацкой пѣснѣ поется: «одна ричка—Копирочка въ Днипроупала» (Чубин., V. 1013).

Народная поэзія пользуется мѣстными названіями для усиленія даннаго выраженія. Цѣль усиленія мысли достигается въ такомъ случаѣ посредствомъ сравненія двухъ мѣстностей по величинѣ или путемъ приблизительнаго опредѣленія пространства между ними. Такой приемъ народной мысли въ особенности ясно выразился въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» и позднѣе проявился въ наиболѣе архаическихъ отдѣлахъ народной поэзіи, думахъ и свадебныхъ пѣсняхъ. Въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» находимъ слѣдующія примѣты усиленія мысли посредствомъ мѣстныхъ названій:

- 1) Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Киевѣ.
- 2) Трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стазы въ Путивлѣ.
- 3) Дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Вльзѣ, и Поморію, и Посудію, и Сурожу, и Корсуню.
- 4) Олегъ.... ступаетъ въ златъ стремя въ градѣ Тьмуторканѣ; тоже звонъ (славы) слыша давный великій Ярославъ, а сынъ Всеволожъ Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.
- 5) Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступи дѣвою въ землю Трояню, восплескала лебедиными крылы на синѣмъ море, у Дону плещучи.
- 6) А вѣстона бо, братіе, Киевъ тугою, а Черниговъ напастями, тоска разліяся по Руской земли.
- 7) Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.
- 8) Подперъ горы угорскыи своими желѣзными плѣчи, затворивъ Дунаю ворота,... суды ряда до Дуная,... отвориши Киеву врата.....
- 9) Уже бо Сула не течеть сребренными струями къ граду Переяславлю, Двина болотомъ течеть оныжъ грознымъ Полочаномъ....
- 10) Всеславъ..... скочи влькомъ до Немиги съ Дудутокъ

11) Всеславъ.... изъ Кіева дорискаше до куръ Тмутороканя...

12) Тому въ Полотскѣ повзониша заутреню рано у святыхъ Софее, а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша.

13) Игорь мыслію поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Донца.

14) Донецъ рече: княже Игорю, не мало ти величія... Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя,.... князю Ростиславу затвори Дѣбрь темѣ березѣ....

15) Дѣвици поють на Дунаи, вьются голоси чресъ море до Кіева.

Въ «Словѣ» находится много другихъ мѣстныхъ названій, не заключающихъ въ себѣ усиленія мысли; въ приведенныхъ же примѣрахъ болѣе или менѣе отчетливо обнаруживается такое усиленіе. Подобнаго рода явленіе находимъ въ думахъ и свадебныхъ пѣсняхъ; напримѣръ, въ думѣ объ учтеніи Украины жидами:

Слышенъ теперь у насъ гетьманъ Хмельницькій
Якъ одъ Билои Церкви та до славнаго Запорожа ¹⁾.

Въ галицкой свадебной пѣснѣ, или ладканѣ:

Въ Львовѣ вѣнки вили,
Въ Перемышли малѣвали ²⁾.

Въ галицкой веснянкѣ, или гавкѣ чоботы кіевской работы, куллены во Львовѣ, подкованы въ Краковѣ ³⁾. Въ коломыйкѣ:

Въ Старовоздци загремило, въ Малогвоздци тихо,
Ой веземо сорокъ дубовъ панови на лыхо ⁴⁾.

Въ галицко-русской рекругской пѣснѣ:

Ой неволя, мати, неволя, неволя,
Въ Коломыи стрижуть, до Черновець гонять ⁵⁾.

Въ малорусской пѣснѣ:

Отъ Дударивъ до Чернышивъ дорога розлога;
Туда моя поихала любая розмова ⁶⁾.

¹⁾ Ант. и Драг., г. II, стр. 22. ²⁾ Гол., т. II, стр. 137. ³⁾ Тамъ-же, стр. 191.
⁴⁾ Тамъ-же, стр. 374. ⁵⁾ Гол., т. I, стр. 137. ⁶⁾ Чуб., т. V, стр. 199.

Въ буковинской пѣснѣ: «надъ мистомъ Станиславомъ хмари се зибрали; надъ мистомъ Снятиномъ три громы загрѣмили, надъ селомъ Берегометевъ дрибненькій дождчикъ упавъ, — молодонькій зажурился» и пр. ¹⁾).

Въ мѣстныхъ названіяхъ украинской словесности обнаруживается стремленіе народной мысли къ ассимиляціи иноплеменныхъ названій и облеченіе ихъ въ понятныя украинскому народу формы. Такъ, Евпаторія таврической губерніи у крымскихъ татаръ называлась Геслеве; въ думѣ про Ивана Богуславца находимъ Кизлевъ ²⁾; въ Плачѣ козловская пристань ³⁾; вблизи днѣпровскаго лимана лежитъ островъ Тендеръ, неоднократно упоминаемый въ думахъ; въ одной пѣснѣ находимъ Тынь-дерево; Мариуполь называется Марнополемъ.

Черное море.

Близкое знакомство русскаго народа въ древнее время съ Чернымъ моремъ и затѣмъ близкое знакомство малороссіянъ съ Чернымъ моремъ въ XVI—XVII ст. должно было такъ или иначе отразиться въ народной повѣи. Въ великорусской повѣи выступаетъ смутный призракъ океана-моря, находящагося гдѣ-то далеко, за мезой матушки святой Руси. Въ стихѣ о Голубиной книгѣ находится замѣчаніе, что

Посреди моря океанскаго,
Выходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,
Святого Климента попа римскаго.

Изъ церковно-историческихъ преданій христіанства извѣстно, что св. Климентъ, папа римскій, сосланъ былъ изъ языческаго Рима въ Крымъ и здѣсь былъ утопленъ въ морѣ, близь древняго греческаго города Херсонеса; затѣмъ, по восторжествованіи христіанства, утвердилось въ христіанскомъ мірѣ повсюдное вѣрованіе, что ежегодно, въ день памяти св. мученика, море въ Херсонесѣ отступало отъ берега, и во глубинѣ его обнажалась чудесно возникшая церковь, въ которой нетлѣнныя мощи святителя предста-

¹⁾ Довачевск., стр. 203. ²⁾ Ант. и Драг., т. I, стр. 241. ³⁾ Тамъ-же, стр. 94.

влялись благоговѣйному поклоненію христіанъ. Св. просвѣтитель славянъ Кирилль, по преданію, взялъ изъ глубины морской мощи св. Климента и перенесъ ихъ къ славянамъ. По другому преданію Владиміръ послѣ крещенія своего въ Херсонесѣ перенесъ мощи св. Климента въ Кіевъ¹⁾. Такимъ образомъ, за океанъ-моремъ великорусскихъ пѣсень скрывается иногда Черное море.

Черное море, какъ наиболѣе извѣстное въ до-монгольской Руси, повидимому, считалось моремъ по преимуществу и называлось просто моремъ. По свидѣтельству древней лѣтописи Черное море въ древности слыло по преимуществу Русскимъ моремъ. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» Черное море нѣсколько разъ упоминается подъ словомъ море, безъ прилагательнаго черныи.

- 1) Черныя тучи съ моря идутъ.
- 2) Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами.
- 3) Половци идутъ отъ Дона и отъ моря. Въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ собственно объ Азовскомъ морѣ, упоминаемомъ въ другомъ мѣстѣ «Слова» подъ названіемъ Лукоморья.

- 4) Въ морѣ погрузиста.
- 5) Присму море полунощи.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, нужно думать, подразумѣвается Черное море вмѣстѣ съ Азовскимъ моремъ, что въ особенности ясно видно изъ слѣдующаго мѣста: «Дѣвизи поють на Дунаи, вьютъ голоса чресъ море до Кіева».

Въ «Словѣ о полку Игоревѣ», въ малорусскихъ и великорусскихъ пѣсняхъ Черное море выступаетъ довольно часто подъ названіемъ Синяго моря. Довольно трудно опредѣлить, гдѣ слово синее является эпитетомъ моря вообще, и гдѣ оно нераздѣльно съ словомъ *море* составляетъ одно собственное имя. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» слово *синий* служитъ эпитетомъ моря и рѣки Дона. Сначала въ «Словѣ» о синемъ морѣ упоминается въ совершенно темной фразѣ:... «бѣша дѣбрь кисаню и несошлю къ синему». Въ довольно ясномъ значеніи Чернаго моря синее море находится въ выраженіи: «Се бо готскія красныя дѣвы воспѣша на брезѣ синему морю». По видимому, простымъ эпитетомъ моря слово *синее* является въ

¹⁾ Надеждинъ, въ Русск. Бесѣдѣ 1857 г., т. VII. Сибѣ, стр. 9.

плачѣ Ярославны: «О вѣтре, вѣтрило!... мали ли ти башеть горѣ подѣ облаки вѣяти, лѣтѣючи корабли на синемъ морѣ».

Столь же неопредѣленное положеніе слово *синее* имѣеть въ малорусской народной поэзіи, въ приложеніи къ морю. Несомнѣнно оно обозначаетъ Черное море въ слѣдующемъ мѣстѣ галицко-русской колядки:

Ой, коню, коню, продамъ я тебе.—
 Ой, пане, пане, погадай собѣ,
 Коль я ты вынись зъ туркивъ, татаривъ...
 Коль насъ нагнали зъ крута берега,
 Зъ крута берега на тихій Дунай,
 На тихій Дунай, на Сине море...¹⁾

Синее море встрѣчается въ разныхъ поэтическихъ мотивахъ. Въ колядкѣ Богородица скрываетъ Спасителя въ синемъ морѣ отъ жидовъ²⁾; въ свадебной пѣснѣ мѣвѣста тонетъ въ синемъ морѣ; отецъ, мать, братъ, сестра не могутъ ее спасти; спасаетъ ее милый³⁾. Подобнаго рода пѣсенный мотивъ чаще встрѣчается съ Дунаемъ. Ковакъ ищетъ доли за синимъ моремъ⁴⁾; и этотъ мотивъ чаще встрѣчается въ приложеніи къ Дунаю. Въ одной старинной пѣснѣ о разрушеніи бурей турецкаго корабля «дощикъ накрапае, та синего моря доповняе»⁵⁾.

Въ малорусскихъ думахъ XVI и XVII ст. довольно часто упоминается Черное море, съ чертами очевидно личнаго съ нимъ знакомства козаковъ. По показанію испанскаго священника *Osavio Sarpientia* отъ 1622 г. козаки изъ Запорожья, гдѣ въ его время набралось до 30—40,000 человѣкъ, выставляли 200—300 чаекъ и смѣло ѣздили по всему Черному морю; такъ, въ 1616 и 1617 г. они нападали съ уснѣхомъ на Синопъ, Кафу и Требизондъ. Въ 1621 г. турецкіе начальники наловили на Черномъ морѣ много козаковъ. Въ 1624 г. козаки сдѣлали нападеніе на самый Босфоръ⁶⁾. Знакомствомъ козаковъ съ черноморскими бурями обусловлено живописное ихъ описаніе въ думахъ. «На Черному морю быстрая хвиля встала⁷⁾, заноситъ козацкія чайки «въ дунайское гирло», вертитъ ихъ на «лихій хуртовини»⁸⁾. Потери на Черномъ морѣ

¹⁾ Голов., т. IV, стр. 44. ²⁾ Тамъ-же, стр. 113. Тамъ-же, стр. 229. ³⁾ Чуб., т. V, стр. 936. ⁴⁾ Ант. и Драг., т. I, стр. 99. ⁵⁾ Ант. и Драг., Историч. пѣсни малор. нар., т. I, стр. 203. ⁶⁾ Тамъ-же, стр. 89. ⁷⁾ Тамъ-же, стр. 176.

вызывали отрицательное къ нему отношеніе народной мысли, что выразилось въ началѣ думы о взятіи козаками Варны:

Кляла царица, вельможна пани,
 Черное море проклинала:
 «Бодай же, море, не процвѣтало,
 Вичными часы высыхало,
 Та що мого сына одиначка,
 Единачка у себе взяло»¹⁾).

Вообще Черное море не занимаетъ въ малорусской народной поэзіи выдающагося мѣста. За исключеніемъ историческихъ пѣсень, оно встрѣчается рѣдко, упоминается мимоходомъ, безъ фактической характеристики и безъ поэтической обрисовки. Торговцы ничего не могли сообщить о Черномъ морѣ, потому что черноморская торговля находилась въ рукахъ грековъ и малороссіянъ только по доставкѣ пшеницы въ Хаджи-Бей и въ Бѣлгородъ, гдѣ ее забирали греки¹⁾, могли знакомиться съ черноморскимъ берегомъ. Странники-богомольцы, посѣщавшіе Аѳонъ и Палестину, также не могли внести въ народъ достаточныя свѣдѣнія о Черномъ морѣ, потому что предпринимали путешествія большею частью сухимъ путемъ, черезъ Румынію и Болгарію²⁾. Остаются одни козаки. Разказы козаковъ о морскихъ нападеніяхъ на турецкія области, о сопряженныхъ съ такими нападеніями опасностяхъ, о черноморскихъ буряхъ, о богатой добычѣ, выпадавшей на долю козаковъ послѣ благополучнаго набѣга,—все это плѣняло народное воображеніе и въ частности знакомило народныя массы съ Чернымъ моремъ, причѣмъ знакомство это очевидно было поверхностное и одностороннее.

Дунай.

Съ легкой руки Ѳ. И. Буслаева, сдѣлавшаго небольшую замітку о народно-поэтическомъ значеніи Дуная въ южнорусской народной поэзіи³⁾, историко-поэтическое значеніе этой великой славянской рѣки нѣсколько разъ подвергалось научному изслѣдованію. Н. И. Костомаровъ посвятилъ Дунаю нѣсколько страницъ въ статьѣ

¹⁾ Антон. и Драг., т. I, стр. 246; Голов., т. I, стр. 3. ²⁾ *Jaroszwicki*, *Obraz Litwy*, т. II, стр. 93—94. ³⁾ *Елисей*, Съ русскими паломниками, стр. 13, 16.
⁴⁾ *Буслаевъ*, Историч. очерки рус. нар. слов., т. I, стр. 215.